

Павел ЧХАРТИШВИЛИ

Павел Чхартишвили родился в 1948 году в Москве. Окончил Московский техникум автоматики и телемеханики и исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал механиком-прибористом, техником-конструктором, статистиком, учителем истории. 40 лет работал в Государственном архиве РФ, почётный работник этого архива. Печатался в журналах «Вопросы истории», «Преподавание истории в школе», «День и ночь», «Север», «Урал», «Подъем», «Южная звезда», «Сура», «Байкал»; в «Независимой газете». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Дневник Клишина» (2018, № 9-10). Живет в Москве.

ТАМ, ГДЕ ГРЕЧАНКИ ЛЮБИЛИ ГРЕКОВ

Рассказ

На третьем курсе Московского энергетического института Леонид Засыпкин влюбился в однокурсницу Нелли Передельскую. Что может быть прекраснее любви? Они по воскресеньям стали вместе ездить в Сокольники, в платную школу бального танца. Школа стоила дорого. Но Леониду и Нелли нравилось осваивать самбы, румбы, вивкстепы и сиртаки. Преподаватель командовал:

– Батман... Плие...

А ещё он говорил:

– Два года у меня, потом можете поступать к Моисееву.

К сожалению, такая головокружительная карьера не состоялась. Но это ничего. Главное, что в отношениях Лёни и Нелли была нежная трогательная интонация, весёлая, с лёгкой грустью. А там и настало то почти неизбежное, что в подобных случаях происходит между юношей и девушкой. Одним словом, Леонид стал мужчиной, а Нелли – женщиной. Затем чувство Засыпкина начало остывать. Обыкновенная история, как говорил писатель. Учёба, общественные нагрузки, стройотряд, производственная практика на заводе. Леонид закрутился, тут подошла пора писать диплом – тем более было не до Нельки. И вот наш молодой специалист – уже инженер одного из отделов того самого завода, где был практикантом. Там были рады, что Засыпкин вернулся, потому что парень он был толковый и не сачок. В отделе был ещё один молодой инженер – Игнат Кусаков, женившийся два года назад. Он провёл детство и отрочество в солнечном Баку и впитал не только тамошнее небо и воздух, но и говор. Абсолютно русский парень говорил с азербайджанским акцентом, что смешило сослуживцев. Начальник отдела послал Леонида и Игната на месяц в командировку.

В городе, куда они прибыли, в гостинице не было мест в номерах, и они ночевали в коридоре на раскладушках. Стоял жаркий южный август. В шесть утра администратор их будила, они складывали койки, а на работу им надо было к девяти. Приятели шли на базар. Там они покупали арбуз, буханку чёрного хлеба и завтракали в сквере, как горьковские босяки. Им было по двадцать два года, и они не чувствовали особой неустроенности жизни, даже была в этом какая-то романтика. Они устанавливали и налаживали в войсковой части электронное устройство. Устройство, доставленное в часть с их завода, было изготовлено на совесть, трудностей при подключении и наладке не возникало. Проблема была другая. Посреди части была большая, выкопанная когда-то и забытая яма, куда порой соскальзывали моряки. Однажды туда свалился контр-адмирал Юровицкий и сломал ногу, после чего яму обнесли заборчиком. Засыпкин и Кусаков после работы любовались бухтой: огоньки, гудки. Посмотрели в летнем кинотеатре «Парус» обалденный новый фильм «Ещё раз про любовь» с Танечкой Дорониной. В

некоторые вечера матросов с кораблей отпускали на берег, и тогда Таврический бульвар белел от бескозырок. Леонид и вырвавшийся на волю Игнат слонялись, глаза на встречающих девушек. Девушки на них внимания не обращали. То ли дело – на моряков. Игнат сказал:

– Чефе¹ обслуживается вне очереди.

Гуляя по Таврическому бульвару, они купили в ларьке бутылку крымского крепленого. Продавщица была молодая. Леонид сказал ей серьезно:

– Дайте сдачи побольше.

Подумал и добавил:

– Шутка.

– Шутка удалась, – улыбнулась женщина.

Ехали катером на танцы, в небе качались бакены, в бухте плескалась луна. И казалось так не от вина, крепкого только по названию, а от силы, бьющей через край, от молодости, оттого, что почти вся их жизнь ещё была впереди, и сладко было сознавать это.

Через неделю в гостинице подошла их очередь, и приятелей наконец поселили в трёхместном номере. Третьим был сорокалетний лектор общества «Знание» Шницер, который спросил:

– Вы, ребята, женатые?

– Леонид холостой, – ответил Кусаков.

– Женим.

– Я вообще-то позагорать приехал, – заметил Засыпкин.

Загорать Леониду и Игнату скоро надоело. Как-то, получив два отгула, приятели днём во вторник валялись на кроватях. Игнат сказал:

– Шницель! Ты любил когда-нибудь?

– В молодости. Потом были воспоминания. Потом забылись и воспоминания.

– Что ж, у тебя и бабы нет?

– Почему? Есть. Но мы же говорим о любви.

В дверь постучала администратор:

– Засыпкин! К телефону.

Кто это мог быть? В незнакомом городе. Он прошёл к телефону, взял трубку.

– Лёня, это я, Нелли.

– Привет. Ты где?

– Я узнала, что тебя послали сюда, и приехала, сняла комнату. Я в отпуске.

– Как ты меня здесь нашла?

– Через справочное бюро.

Да здравствует институт прописки, подумал Засыпкин.

– Ты по мне скучал?

Он молчал. Он забыл про неё. Вспомнилось. Всколыхнулись остатки бывшего чувства.

– Лёнь! Тут на окраине раскопки греческого города пятого века до нашей эры.

– Я знаю.

– Ты там был?

– Нет ещё.

– Давай съездим? Ты завтра можешь?

– Да.

Сходить бы с ней в ресторан. На какие шиши? А может, Нелька сама за себя заплатит? Ну ты наглец.

– Ты когда-нибудь купалась в море ночью?

– Вообще-то нет.

---

¹ ЧФ – Черноморский флот.

– Хотелось бы?

– Можно.

– Тогда встречаемся сегодня в двадцать три часа на Потёмкинской пристани. Оттуда ходит троллейбус в чудное место. Полчаса езды – и мы на берегу. И вокруг не будет ни одной морды. У тебя есть надувной матрас?

– Есть.

– Возьми. И я возьму.

Положил трубку. Администратор буркнула:

– Молодой человек! Я больше не буду бегать подзывать.

– Извините, – сказал он.

Вечер принёс облегчение от жары. Лёня и Нелли сели в пустой троллейбус, доехали до конечной. Чёрное море, чёрная южная ночь. Огромная тяжёлая серебряная луна висела над головой и не падала. Целовались под доверчивый шёпот прибоя. Ничего не существовало, всё на свете забылось, была только любовь, как две с половиной тысячи лет назад, когда здесь целовались гречанки с греками. Какое наслаждение купаться голыми в тепловатой воде. Одевались, и Лёня заметил пустоту в заднем кармане брюк. Паспорта и допуска не было. Его бросило в холодный пот. Завтра найдём, успокоил он себя, улёгся и вскоре заснул. А Нелли ещё долго не спала и думала, как же теперь влетит Лёне.

Рассвело. Быстро исчезала прохлада. Долго, тщательно обходили и осматривали берег. Ни черта. Зачем он потащил с собой документы? Надо сказать Игнату, чтобы он доложил командиру части. С военными лучше не шутить. Двинулись к остановке. Шли молча. Затем Нелли включила транзисторный приёмник. Пела женщина. Мелодия щемила душу и поднимала её над землёй, над всеми стремлениями и страданиями человеческими. Леонид не знал польского, но понял, о чём песня: парень, не вешай нос, потеря документов – не самая страшная беда, ты найдёшь выход, всё образуется, а главное – рядом девушка, она бросила всё и приехала провести отпуск с тобой, пойми и оцени это. Нелли не слушала приёмник, она снова думала о неприятностях, ожидающих Лёню.

Мягко бежал троллейбус. Город просыпался. Грустно разгоралось утро, обещая сухой и знойный день. Было уже не до поездки на раскопки. Нелли дала Лёне записку со своим местным телефоном.

– Я позвоню, – пообещал Засыпкин.

Доехали до Потёмкинской пристани. Лёня подержал ладонь Нелли в своей руке и вышел из троллейбуса. Она поехала домой. Начинало припекать.

В гостинице Кусаков выслушал приятеля и сказал:

– Неплохо ночевать, когда дивчина под боком. Но сам видишь, Лёня: женщины до добра нэ доведут.

– Причём здесь женщины? Я мог бы потерять и будучи один.

– Один бы ты нэ поехал в полночь купаться.

– Почему? Взял бы и поехал.

Лёня вспомнил, что в понедельник мичман Филиппенко просил его объяснить, как работает электронное устройство. Что ж, Кусаков всё знает, расскажет моряку. Он-то расскажет. А что Лёня расскажет в Москве на заводе? Ему голову оторвут за потерянный допуск.

Прошло часа два. В дверь постучали. Это была женщина средних лет:

– Здравствуйте. Кто из вас Засыпкин?

– Я.

Она протянула Лёне его паспорт и допуск.

– Спасибо огромное. Где вы нашли?

– У моря.

– Да мы же там всё обыскали! Как же я вам благодарен.

– Больше не теряйте.

Он постеснялся дать женщине денег. Вышел с ней из гостиницы, купил и вручил ей самый дорогой торт, потом вернулся. Кусаков размышлял, как получше убить свободный день. Засыпкин вспомнил, что Нелли хочется на раскопки, и предложил Кусакову поехать с ними:

– Я вас познакомлю. Она славная девчонка.

Но Игнат, во-первых, видел в гробу тащиться в жару чёрт знает куда, чтобы посмотреть на древние руины и черепки (лучше сходить окунуться), а во-вторых, не хотел мешать приятелю своим присутствием – и отказался ехать. До Засыпкина окончательно дошло, что с документами порядок. Отлегло от сердца. Он вздохнул и вспомнил польскую песню. Представил, как скажет Нелли, что всё обошлось. Нелька обрадуется. Она к нему хорошо относится. Она хороший человек. Правда, очень хороший. Надо пойти к администратору, попросить разрешения позвонить, хотя противно унижаться перед ворчливой бабой.

Они с Кусаковым выпили и закусили в столовой. Ушли к морю. По пути встретился телефон-автомат. Засыпкин не позвонил. На другом конце раскалённого города ждала Нелли. Она так и не узнала, что у Лёни всё нормально, зато поняла, что не нужна.

2015–2018